

Рав Ицхак Зильбер

“...чтобы ты остался евреем“.

Воспоминания

Иерусалим. 5764 (2003)

Составитель - К. Райз
Редактор - В. Фридман

Графика - С. Нездатная
Обложка: Иегуда Фербер
Компьютерный дизайн обложки: Бецалель Перель
В обложке использованы фрагменты картины
Натана Альтмана “Петрокоммуна”, 1921

ISBN 965-7275-01-6

- © Все права сохраняются за автором
- © All rights reserved
- © כל הזכויות שמורות למחבר

Toldos Yeshurun
1099 E. 18th Street Brooklyn, NY 11230
Tel. (718)382 7119
Fax . (972)25400 946
E-mail: info@toldosyeshurun.org

תולדות ישורון
רח' ים סוף 7/14 ירושלים
טל. 02-5400005
פקס. 02-5400946

Желающих заказать книгу
просят обращаться по тел. 02-5400005
להזמנות נא לפנות בטל' 02-5818079

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Часть 1. Моя родословная	
Глава 1. Люцин.....	11
Глава 2. Режица.....	21
Часть 2. Казань	
Глава 1. Вместо школы.....	36
Глава 2. Мои университеты.....	60
Глава 3. Война.....	75
Глава 4. Судьбы военных лет.....	93
Глава 5. Женильба.....	108
Глава 6. Семья моей жены.....	118
Глава 7. Бриты в Казани.....	135
Глава 8. О разных людях.....	143
Глава 9. Мои секреты.....	155
Глава 10. Арест.....	168
Глава 11. В лагере.....	178
Глава 12. Последний год заключения.....	198
Глава 13. Бегство из Казани.....	222
Часть 3. Ташкент	
Глава 1. На новом месте.....	240
Глава 2. Школьные проблемы.....	260
Глава 3. Еврейская жизнь в Узбекистане.....	274
Глава 4. Дети растут.....	293
Глава 5. Мои ташкентские друзья.....	314
Глава 6. Перед отъездом.....	326
Часть 4. Израиль	
Глава 1. "Свободный мир".....	352
Глава 2. Счастливые годы.....	366
Глава 3. Израильская специфика: геты и гиюры.....	382
Глава 4. Встречи в Израиле.....	390
Глава 5. "Командировки".....	406
Глава 6. Об этом стоит подумать.....	414
Вместо послесловия.....	419

От редактора. Идея книги возникла лет пять назад. В течение года на исходе каждой субботы велась запись устных рассказов рава Ицхака Зильбера. Затем в книге (начиная с "казанского периода") появились вставки: сказали свое слово живые очевидцы. Еще какое-то время информация уточнялась, дополнялась и обрабатывалась. Поэтому даты в стиле "столько-то лет назад" следует относить не к году издания книги, а к моменту первой записи воспоминаний.

Я глубоко признателен Кармеле Райз за то, что она настояла на создании этой книги, а также оказала неоценимую помощь в записи моих рассказов и последующей их подготовке к печати. Кроме того, выражаю глубокую благодарность редактору Виктории Фридман за профессиональную литературную обработку и кропотливую работу над книгой.

Рав Ицхак Зильбер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я никогда не собирался писать воспоминания. Считаю, что это некрасиво, - самому себя расписывать. Но в частных разговорах и в лекциях, перед аудиторией, мне случалось вспоминать людей и события, которые, как казалось, могли многому научить. Собеседники же и слушатели убеждали меня, что описываемые происшествия и судьбы производят глубокое впечатление и жаль, если они не станут общим достоянием. В конце концов я уверился в том, что это действительно важно.

А как получилось, что я стал рассказывать? В семьдесят втором году я приехал в Израиль, и в том же году мне и еще двум репатриантам "из России" предложили поехать в Америку для участия в "динере" - благотворительном обеде, где собирали деньги для системы религиозного образования в Израиле. Наше присутствие должно было показать, что религиозные школы необходимо поддерживать и ради детей новых репатриантов, которых будет становиться все больше. Я согласился. В Америке рав Пинхас Тайц (мой двоюродный брат, я о нем еще расскажу) спросил: "Хочешь поговорить с одним из умнейших людей в мире?" - и привел меня к раву Ицхаку Гутнеру, благословенна память праведника.

Рав Ицхак Гутнер - один из крупнейших еврейских авторитетов современности. Среди выдающихся людей нашего времени немало его учеников, в их числе и живущий сейчас в Израиле рав Моше Шапиро, глубочайший знаток Талмуда и еврейского мировоззрения, к мнению которого все относятся с огромным интересом и уважением.

Я зашел к раву Гутнеру на десять минут. А пробыл, наверно, больше получаса. Эта встреча многое изменила в моей жизни и в моем поведении.

Рава Гутнера интересовало, как же я растил и воспитывал своих детей (в Советском Союзе - религиозными евреями). Я стал рассказывать, но много говорить боялся. Хорошо ли это, думал я, сидеть в гостях у великого человека и болтать о себе. Я подумал: наверно, лишнее говорю, и извинился - простите меня, ребе, что много говорю. А он воскликнул: "Поверьте - если бы я не стыдился, я бы заплакал. Рассказывайте, рассказывайте и рассказывайте всем!"

С тех пор я начал рассказывать. Если бы не рав, я бы никогда ничего не рассказывал. Раньше я молчал. Даже дома не знали подробностей, например, про лагерь. Когда я вернулся из Америки и жена меня услышала, она удивилась: "Что это ты начал все рассказывать?" А это рав Гутнер мне сказал: "Рассказывайте!" И вижу, он был прав.

Что сохраняется в нашей памяти? Какие вещи всплывают в ней, когда начинаешь вспоминать? Не знаю. Я человек уже не молодой, родился в Казани в 1917 году. И первое, что мне вспоминается из детства, - поступок, который мог бы привести к большой беде, но, к счастью, не имел последствий.

Родители были моими первыми и единственными учителями и

Рав Ицхак Гутнер

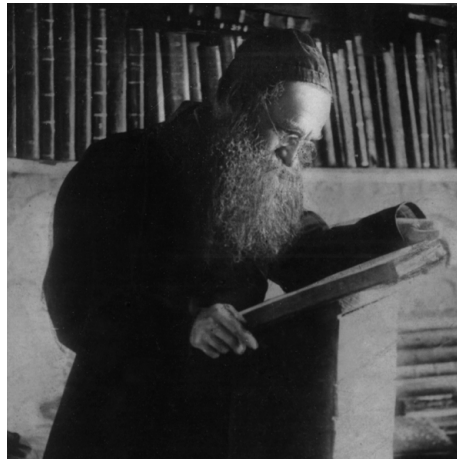
учили со мной Тору. Я был еще совсем мал, когда прочел, что между нами, евреями, и Б-гом существует союз. Стих, где Аврааму является Б-г и говорит: “И Я установлю Мой союз между Мною и между тобой и между твоим потомством после тебя в их поколениях союзом вечным” (Брешит, 17:7) - меня поразило. Я спросил, что это значит, и родители мне объяснили, что единственный народ, который не оставит веру в единого Б-га, - это евреи. Дальше сказано: “И Я дам тебе и твоему потомству после тебя землю проживания твоего, всю землю Кнаана во владение вечное” (17:8).

- Значит ли это, что я когда-нибудь буду жить в Эрец-Исраэль? - спросил я.

Тогда, в двадцатые годы, это казалось невыносимым! Но родители отвечали: “Будешь!” - и я решил действовать. Если у родителей есть причины, по которым они медлят, то у меня их нет, и я, получив от Б-га такое обещание, тянуть не собираюсь.

Выяснив у прохожих, где находится комиссариат иностранных дел, я отправился туда и спросил главного. Подошел к нему и говорю:

- Разрешите мне выехать к бабушке в Литву (Литва тогда еще не входила в состав СССР), в город Рагува Паневежской области. Фамилия - Шапиро.

Рав Мойше-Мишл-Шмуэль Шапиро,
мой дед со стороны матери

- Зачем тебе в Литву, мальчик?

Я простодушно отвечал:

- Мне нужно будет ехать в Палестину, а из России туда не выпускают. Поэтому я хочу поехать в Литву, а оттуда - в Палестину.

Главный что-то черкнул на бумажке.

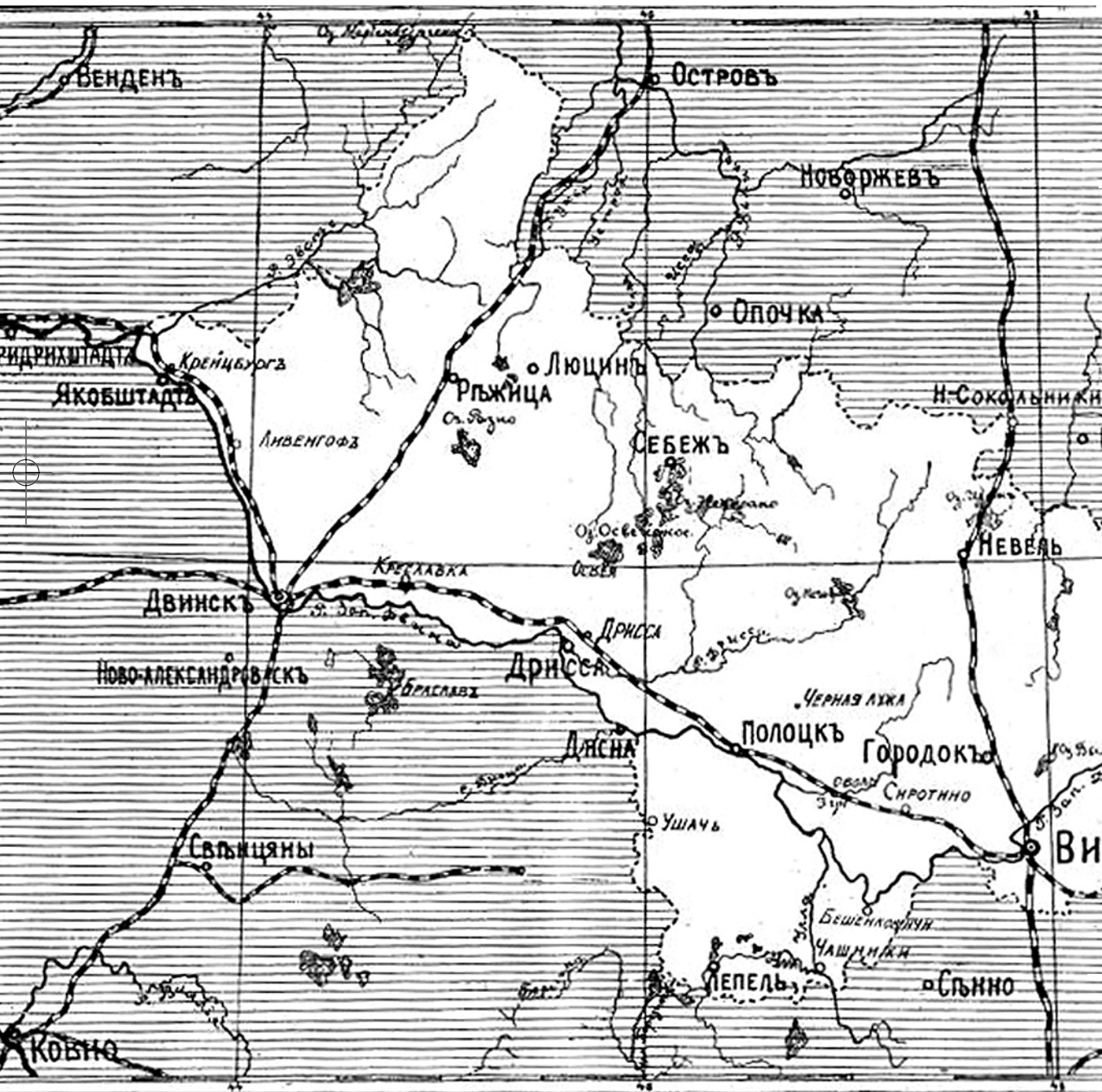
- А кто твои папа и мама? За такое воспитание сажать надо!..

Не помню, как я убежал оттуда. Только через много лет я понял, какой опасности подверг отца и мать. Лишь чудом можно объяснить, что их не арестовали. И я хочу здесь признать свою вину. Я поступил неправильно. Но я был молод и наивен, мне было восемь лет. Родителям, благословенна их память, я так никогда об этом случае и не рассказал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Моя
РОДОСЛОВНАЯ

Л ЮЦИН

ПРАДЕДЫ

Мой прапрадед со стороны отца - рав Довид Циюни - жил двести лет назад. В последние годы жизни он был раввином города Люцин, или Луцин (так до семнадцатого года назывался латышский город Лудза). В те времена эта территория входила в состав царской России.

Примерно к этому времени относится предание о том, как появилось в Люцине первое еврейское кладбище.

Это произошло в 1765 году, когда эти края еще подчинялись Польскому королевству (к России они были присоединены семь лет спустя). Жил в те годы в Люцине еврей-портной Мойше бен-Давид. Между ним и неевреями-католиками, с которыми он работал, случилась ссора, и те донесли помещику, будто Мойше надругался над изображением святого. Помещик вызвал Мойше к себе и потребовал, чтобы он отрекся от еврейства и принял "единственно истинную" веру. В награду он сулил портному дом и поле, а в противном случае угрожал ему сожжением. Реб Мойше сказал, что готов умереть.

В те времена суд над евреями вершился скоро. Рассказывают, что когда портного схватили, его сын поехал в Варшаву и добился помилования. Но к тому времени, как он вернулся, отца уже не было в живых. Перед смертью Мойше бен-Давид произнес: "Шма Исраэль...".

Немногочисленные евреи города собрали его пепел и захоронили. Так в городе появилось первое еврейское кладбище.

И рассказывают люди, что вскоре после этого помещик тяжело заболел, в бреду ему мерещился сожженный еврей, и в ужасе помещик кричал: "Мойше, прости меня!"

После рава Довида Циюни раввином города в течение почти полувека был его сын, реб Нафтоли, мой прадед, упоминаемый в "Истории евреев в Курляндии" (1908 г., сост. рав Л.Б. Авчинский).

Рассказывает о нем и р. Исроэль Зелигман, один из потомков Циюни. В "Мегилат юхасин" ("Книге родословий"), посвященной истории этой семьи, он пишет (здесь и далее цитаты в переводе автора. - *Ред.*):

Рав Исроэль Зелигман,
"Мегилат юхасин".
Титульный лист.

Рав Бенцион Дон-Ихие,
"Яхас авот" (примечания
к "Мегилат юхасин").
Первая страница.

“Вставал [реб Нафтоли] в два часа ночи, молился ватикин (перед самым восходом солнца. - И.З.), даже в праздники и в день своей смерти. После молитвы около двух часов занимался изучением Талмуда, потом ел и начинал обход города: посещал больных, людей, обремененных горем, помогал им советом и добрым словом. Душевная теплота его была удивительна, и многих пустых людей и грешников он привел к служению Всевышнему. За три четверти года он заканчивал изучение ШАСа (всех шести разделов Талмуда; такое трудно себе даже представить. - И.З.). Реб Нафтоли был очень скромн, не хотел, чтобы о нем знали, и поэтому не писал трудов по Торе. Ему задавали вопрос - он отвечал, всегда очень коротко. Занимался также каббалой... Реб Нафтоли прожил семьдесят один год. Он и его старший сын реб Аарон-Зелиг старались освободить евреев, принудительно взятых для сдачи в армию, и постоянно вступали из-за этого в конфликт с руководством еврейской общины города (отбор рекрутов в те времена возлагался на саму общину, сверху указывалось только количество. - И.З.). Руководители еврейской общины в Люцине, когда брали рекрутов, были не так жестоки, как в других городах, благодаря влиянию реб Нафтоли”.

По указу о натуральной воинской повинности для евреев, введенному в России в 1827 году, евреев призывали в армию с двенадцати лет. Этих детей называли кантонистами и в специальных батальонах и школах растили для русской армии. Еврейских мальчиков обычно направляли в самые суровые и самые отдаленные от родных мест школы кантонистов. В восемнадцать лет кантонисты становились солдатами, и все предыдущие годы в срок военной службы, которая сама по себе продолжалась двадцать пять лет, им не засчитывались. Этот указ действовал до 1856 года.

Сверх нормы призыва, которая для евреев была почти на треть выше, чем для христиан, еврейские общины должны были расплачиваться рекрутами и за неуплату податей и другие административные нарушения. Многие еврейские общины выполняли эту норму в основном за счет детей, сдавая в рекруты даже семи-восемилетних мальчиков и выдавая их за двенадцатилетних. Армия

должна была “воспитать” евреев, то есть заставить их креститься. Воспитательные меры были таковы, что нередко до места не доходила и половина партии...

Однажды я сам видел бывшего кантониста. В Казани. Мне было лет шесть, но я запомнил рассказы старика о том, как жестоко их, детей, мучали: приводили в баню, раздевали, ставили босиком на раскаленный горюх, избивали. Не все могли выдержать пытки и соглашались креститься. Слышал я, что как-то к дедушке, раву Ицэле Режицер, пришел кантонист, который крестился, а потом дослужился до генерала. Когда-то он учился с равом Ицэле в одном хедере.

Когда партию кантонистов вели через Люцин, рав Нафтоли всегда приходил к детям. Он заботливо опекал их, относился к ним нежно и с любовью, старался укрепить их в вере, чтобы они остались евреями.

РАССКАЗ КАНТОНИСТА

Один из старых кантонистов рассказал о своей встрече с равом Нафтоли (журнал “Дер идишер штрал” - “Еврейский луч”, 1995 год, номер 1127).

“Мне было девять лет, когда меня оторвали от матери и отдали в солдаты. Мама была вдова, я был у нее единственный сын. Отец умер еще до моего рождения, и мне дали его имя. Как единственный сын, я по закону призыву не подлежал. Но для богатых нет законов. Какой-то богач, родственник то ли отца, то ли матери, дал начальникам денег, оформил меня как своего сына, и меня взяли вместо его детей. То время так и осталось для меня страшным сном, который не хочется вспоминать. Я был мал и совсем не понимал, что происходит. Меня и еще десять таких же несчастных детей заперли в какой-то комнате. Солдаты курили, бранились. Ко всем детям приходили отец, мать, родные, целовали их. Ко мне никто не приходил. Когда входила какая-нибудь женщина с грустным лицом, я вскакивал, думал - мама. Но всякий раз ошибался. Мама не пришла. Это

меня очень тревожило. С каждым днем я все больше сердился, ни с кем не разговаривал, никому не отвечал. Я был зол на всех. Но что я мог сделать? Помню, какая-то женщина хотела меня пожалеть, погладила по голове, а я, как злая собачонка, укусил ее. В последний день, когда нас должны были отправить в город, пришел еврей из моего местечка Пятовка. Он дал мне не то двадцать, не то тридцать копеек, какой-то шарфик и старые заплатанные сапоги:

- Это тебе твоя мама послала.

- А где мама? - спрашиваю, отталкивая вещи. Мне было стыдно перед другими детьми: ко всем приходят, а ко мне - нет.

- Твоя мама? Она спит, она спит, твоя мама. Понимаешь, мой мальчик, она отдыхает, она спит, твоя мама!

Он замолчал, вышел и убежал.

Женщина, которая издали видела эту сцену, сказала:

- Она спит, бедная.

И слезы полились у нее из глаз.

Больше я свой город не видел до нынешнего дня. Вспоминая потом, позднее, я понял, что мама, видимо, умерла в ту же неделю, что меня забрали. Но тогда я не понимал: "Нашла время спать! Все мамы не спят, а она спит!"

Пять недель мы были в дороге. В каждом городе останавливались на день, на два: собирали детей. Всем детям было от двенадцати до шестнадцати лет.

На шестую неделю мы приехали в Люцин, большой торговый город, с ярмарками. Тогда еще не было железных дорог, а была большая проезжая дорога из Петербурга в Варшаву, она называлась Екатерининский тракт и проходила через Люцин. Там был сборный пункт, куда собирали детей из всех местечек, распределяли по отрядам и отправляли дальше.

Я все это помню как дурной сон. Мне было холодно, мерзли ноги, дядьки кричали, ругались, смеялись над нами и гнали, гнали. Усталые, испуганные, как стадо овец, которых гонят на бойню, мы приехали в холодное утро в Люцин. Когда нас ввели в просторную казарму, мы удивились: нас там встретили пять-шесть евреев. Среди них выделялся красивый чернородый еврей с глубо-

кими карими глазами, с необыкновенно выразительным взглядом. Так, наверно, выглядит добрый ангел, который приходит утишать боль. В его глазах было столько сочувствия и столько любви, такая удивительная доброта! Я был маленький, усталый и замерзший. Его глаза притягивали, приковывали наше внимание. Мы вдруг все замолчали и уставились на этого еврея “с глазами”.

Он сказал: “Шолом алейхем, родные!” У него был спокойный голос, и сердце стало оттаивать. Как по команде, мы закричали: “Алейхем шолом, ребе!” Но мы не знали, кто он. Это был молодой человек лет двадцати восьми - тридцати, высокий, широкоплечий. Каждому он подал руку, для каждого у него нашлось доброе слово. И я подошел. У меня на сердце было тяжело.

Остальные хоть виделись с папой-мамой, а я-то не видел маму. Они плакали, а я не плакал. С той минуты, как меня забрали от мамы, ни разу не заплакал. Я был злой, как забитый зверек. Когда меня били, я молчал, когда ко мне обращались, - не отвечал. Но когда я увидел этого еврея с такими глазами, во мне что-то стало пробуждаться, и я расплакался. Он мне говорил: “Родной ты мой, сколько тебе лет, бедный мой мальчик?” Я плачу и говорю: “Мама не пришла ко мне проститься”. Я плакал и плакал, чувствовал, что сердце сейчас разорвется. Его теплые руки меня гладили. Мы сели на какое-то бревно во дворе, он меня гладил и говорил: “Плачь, плачь, одинокое дитя, сирота...”

Мне казалось, что мама меня гладит. Когда я перестал плакать и успокоился, то, как вор, украдкой огляделся вокруг. Мне было стыдно. Но никто не смеялся. Те евреи, что были вместе с ребе, вытирали глаза. Несколько старых солдат с нашивками стояли нахмуренные, а толстый усатый фельдфебель стер слезу с глаз.

Пока ребе говорил с нами, двое евреев раздавали детям булки, конфеты, а другие угощали дядек водкой. Ждали воинского начальника. Когда он пришел, двое из этих евреев, знавшие русский, заговорили с ним и утрясывали о чем-то. Потом начальник велел записать наши имена, и нас выпустили с этими людьми. Они выхлопотали, чтобы то время, пока партия стоит в Люцине, мы находились у евреев.

Нас отвели в синагогу. Там уже ждали мужчины и женщины, было полно людей. Евреи разобрали детей. Рав очень внимательно смотрел, кто берет, - не каждому он доверял ребенка. Всех детей разобрали, я остался один... И мама не пришла, и здесь меня все забыли. Сажу одиноко и вдруг чувствую теплую руку: "Идем, мой мальчик". Рав Нафтоли взял меня к себе, потому никому и не предлагал. Каждое утро и вечер мы должны были приходиться в казарму отметить. Рав Нафтоли приходил туда на час, а то и больше, и садился вместе с нами на нары в казарме. Если было сухо и светило солнце, он усаживался во дворе на бревно, а мы окружали его и, глядя ему в рот, слушали его добрые слова и удивительно красивые истории. Он много рассказывал нам о евреях, которых мучали, чтобы они изменили своей вере, и которые устояли. Рассказывал про раби Акиву, Хананью, Мишаэля, Азарью, рассказывал об инквизиции и крестовых походах - но больше всего он любил возвращаться к рассказу о праведнике Иосефе. Кто не знает истории Иосефа-цадика? Но нужно было слышать, как он ее рассказывал. Иосефа ведь продали собственные братья. Благодаря способностям, уму и честности он сумел достичь высокого положения, но был разлучен с родными, со своим народом, с родителями, братьями. И вот пришло к нему трудное испытание (с женой Потифара. - И.З.). Он же был обижен, его ненавидели и выгнали собственные братья! Но в час испытания он видит перед собой лицо Якова и знает, что Яков плачет и грустит по нему. Разве Яков виноват в чем-нибудь? Виноваты братья, но не Яков!

- ...И пусть перед вашими глазами всегда стоит лицо Якова, - закончил раби рассказ.

Через многие годы я понял, почему наш ребе так часто вспоминал Иосефа. Рав Нафтоли был умный еврей! Ведь Иосеф обижен - его предали свои же, евреи. Он мог бы озлобиться на евреев и "креститься". Но Яков-то не виноват!

Мы все слушали его, ловя каждое слово. Он так хорошо, любя, рассказывал, он говорил слова, доходящие до детского сердца. У него у самого сердце было чистое, как у ребенка. И он сделал наши сердца мягкими, и мозг заработал по-другому...

Шло время, пришли бумаги, кого куда посылать.

За эти четыре недели мы много узнали. И наши сердца привязались к нашему народу, и мы научились прощать. Реб Нафтоли своими словами излечил нас от опасной болезни - ненависти. Каждый из нас питал ненависть к кому-нибудь из представителей еврейских властей, каждый мог указать на человека, продавшего его. Реб Нафтоли научил нас прощению. Какая черная эпоха была! Так богатые относились к своим бедным... Пусть милосердный Б-г простит им, если только такое можно простить. Что было бы, не будь на свете таких людей, как этот раб и те, кто с ним? Мне было хорошо в его доме. Я совсем забыл, где я, что я... Жена его была для меня как мать. Но больше всего значил для меня раб. Я не знаю, чем я ему понравился, - были и другие дети. Может, он особенно жалел меня потому, что я сирота, а может, он знал, что мне еще предстоит вынести, - у него был острый взгляд на далекое.

И вот наступил ужасный, горький день. В последнюю ночь нас не отпустили по домам, оставили в казарме. Утром забили барабаны, затрубили трубы. У нас руки дрожат от холода, зубы стучат, нам страшно. Кончились золотые дни. Что нас ждет? Мысли одна тяжелей другой. "Придет ли наш раб сегодня?" - об этом думал каждый из нас. Нам не верилось, что он придет, - ведь едва светает. Мы уже стоим с сумками на плечах, заспанные, дрожащие... и вдруг поднимаем глаза - ребе уже здесь! Он совсем другой, я его не узнаю. Лицо строгое, холодное, но в глазах - огонь. Он со своими евреями прошел по рядам. И всем детям, у которых уже была бар-мицва, дал тфилин (начиная с тринадцати лет, то есть с бар-мицвы, мужчины-евреи выполняют заповедь наложения тфилин. - И.З.) и "арба канфос" (малый талит. - И.З.). Малышам он дал только "арба канфос". Он чуть-чуть отошел и громко выкрикнул: "Дети, вы сыновья евреев, вы евреи! Знайте и помните, что вы дети Авраама, Ицхака и Якова! - он заплакал. - Вы еврейские дети, не забудьте, что вы евреи. Помните Даниэля, Хананью, Мишаэля, Азарью, раби Акиву, Иосефа. Прочтите вместе со мной "Шма Исраэль!" "Шма Исраэль, а-Шем Элокейну, а-Шем эхад", - крикнули мы все. "Дети, вы ухо-

дите в далекий трудный путь. Будет много бед и невзгод, много тяжких испытаний, - он не мог говорить, голос прерывался, - но Б-г будет с вами, если вы Его не забудете, Б-г Авраама, Ицхака и Якова. Дети, я благословляю вас благословением, которым коаним-священнослужители благословляли народ во времена Храма". И он начал произносить браху. Он подошел к нам, мы его окружили: "Пожалуйста, дайте благословение нам по отдельности!" Он положил руки на наши головы и благословил.

Показались первые лучи солнца. Барабаны бьют, трубы воют. Мы тронулись в путь. С опущенными головами мы прошли мимо нашего ребе, и он каждому сказал: "Иди и будь здоров". Мы вышли за город, с горы оглянулись назад, на гостеприимный город со святым раввином. Я как сейчас вижу, как он шепчет "Иварехеха..." (начало благословения коэнов - "Пусть благословит тебя Г-сподь и охранит тебя..." - И.З.)".

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

После смерти рава Нафтоли раввином города Люцин был его старший сын, рав Аарон-Зелиг Циюни (он упомянут в приведенном выше отрывке из "Мегилат юхасин").

У рава Аарона-Зелига была дочь, а у его сестры Малки - сын.

Рав Бенцион Дон-Ихие

Сестра пришла к брату: “Хочу предложить моего сына Элиэзера твоей дочке”. Рав говорит: “Хорошо, но ведь нужен шадхан (сват)”. В доме как раз присутствовал какой-то человек. Рав обратился к нему: “Хочешь заработать рубль за шидух? Повторяй за мной: “Я предлагаю Элиэзера, сына этой женщины, твоей дочери такой-то”. Уплатил ему рубль, и сватовство состоялось: рав Элиэзер Дон-Ихие, будущий автор книги “Эвен ше-сия” (“Краеугольный камень”), стал зятем рава Аарона-Зелига, а после его смерти - раввином города.

Рав Элиэзер прожил восемьдесят восемь лет (он родился в 1840 году) и умер в день своего рождения - четвертого тамуза (сказано: праведникам Б-г дает полные годы).

После рава Элиэзера во главе евреев Люцина встал его сын рав Бенцион Дон-Ихие. Он убит немцами во время Второй мировой войны.

Когда в Восточной Европе стал развиваться хасидизм (еврейское религиозное движение, возникшее в Польше в восемнадцатом веке), рав Нафтоли решил посмотреть на это своими глазами. Он поехал к сыну Альтер Ребе, реб Дов-Беру, провел там какое-то время, беседовал с ним. Рав Бенцион Дон-Ихие в примечаниях к “Мегилат юхасин” (они называются “Яхас авот” и публикуются вместе с текстом “Мегилат юхасин”) упоминает этот эпизод и говорит, что сохранилось письмо от рава Дов-Бера к его прадеду.

Похороны рава Элиэзера Дон-Ихие, 1926

Режица

МОЙ ДЕДУШКА РЕЖИЦЕР РЕБЕ

Второй сын рава Нафтоли (у него было трое сыновей), рав Ицхак Циюни, в тридцать шесть лет возглавил общину города Режица (ныне Резекне) - стал Режицер ребе. Было это во второй половине позапрошлого века.

Его сын рав Бенцион - мой отец.

Я знаю о своем деде только по рассказам. Говорили, что весь день он проводил в синагоге, всегда в талит гадоль и тфилин - он снимал их только с заходом солнца.

В общине Режицы было немало знающих людей, и дед обычно предлагал им выслушать всякий вопрос, с которым к нему в синагогу приходили люди. Он выяснял мнение знатоков по этому вопросу, а потом высказывал свое. Он и сыновьям своим завещал поступать так же, так и написал в завещании.

Должен сказать, что отец мой следовал этому указанию. Помню, в годы войны, в суровый голод, отец разрешил евреям казанской общины некоторые "облегчения" (это термин, обозначающий смягчение правил выполнения той или иной заповеди; обратное действие называется "хумра", устрожение). Отец разрешил непосредственно в Песах печь мацу, есть горох и другие бобовые. Это решение он обсудил и принял в присутствии двух раввинов, бывших тогда проездом в Казани.

В пятницу вечером, проходя по дороге в синагогу мимо еврейских лавок, Режицер ребе всегда следил, чтобы они были закрыты до начала субботы.

Мне довелось встретиться с женщиной, гостившей в те времена в Режице. Она описала мне такую сцену. Стоит она на тихой вечерней улице. Близится наступление субботы. Вдруг начинается страшная суматоха: все спешат, суетятся, гадают, лавки закрываются - только ставни хлопают. Она спрашивает в страхе: "Что такое? Что случилось?" А ей отвечают: "Реб Ицэле идет!"

Люди издали приезжали к Режицер ребе за советом. И всем были известны случаи, когда невнимание к словам ребе кончалось очень печально. Его любили и боялись.

В народе всегда рассказывают истории о мудрецах. О моем дедушке тоже рассказывали чудеса. Два таких рассказа я здесь и приведу.

Накануне субботы евреи мылись в бане. Случилась ссора, и один дал другому (а это был меламед - учитель, обучающий мальчиков Торе) пощечину. Режицер ребе увидел это и воскликнул: "Рахмонес, иди! - Евреи, пожалейте! Дайте ему сдачи! Поскорее!" Но никто этого не сделал.

В тот же вечер обидчик меламеда подавился во время субботней трапезы и умер. Тогда евреи поняли, о чем просил ребе: если бы ударившему вернули пощечину, он избежал бы более сурового наказания.

Вторая история, про парикмахера, требует небольшого предисловия, а именно: еврейский закон запрещает бриться опасной бритвой - бриться евреям можно только специальной машинкой.

Все в городе строго придерживались этого правила. Но вот один еврей открыл в Режице парикмахерскую и стал бриться лезвием. Режицер ребе вызвал его к себе и предупредил:

- Слушай, дорогой, нельзя бриться лезвием, делай по-другому!

Тот обещал, но прошло некоторое время, и стало известно, что он продолжает бриться евреям лезвием (может, потому, что лезвие брило чище тогдашних машинок, и, увы, на это был свой спрос). Ребе опять его вызвал:

- Сын мой, ты же сказал, что не будешь?

Парикмахер возразил:

- Ребе, надо же как-то зарабатывать! Если я не буду так брить - что я буду есть?

Тогда ребе сказал:

- А когда есть, что есть, что из того?

И больше ничего не добавил. Вскоре парикмахер заболел раком. Ему давали лучшую пищу, но есть он не мог...

Еврей из Режицы рассказывал мне, что мальчиком любил следить за таинственным ребе. Однажды видит: реб Ицэле, как всегда, в талес и тфилин, идет по улице и вдруг сворачивает в узкий проулок между домами и что-то там делает. Мальчик дождался, пока ребе уйдет, и заглянул в щель. Там лежала собака со щенятами. Ребе приносил ей еду...

Как-то в Казани (мне живо помнится улица Овражная, на которой мы тогда жили) к нашей соседке Гуревич приехала в гости ее мать. Я с ней разговорился и сказал, что отец мой родом из Режицы.

- Из Режицы? Где реб Ицэле? - воскликнула она. - Он же спас мою мать!

И рассказала такую историю.

Весенним утром ее мать, выстирав белье, пошла, как обычно делали в то время, к мосткам на реку полоскать. Когда она проходила мимо синагоги, оттуда выбежал шамес (служка) и оклик-

Рав Йоселе Равинсон (Креславер),
раввин Креславы,
мой прадед, учитель и наставник
моего отца

нул ее: “Реб Ицэле просит тебя подождать”. Она ждала минут пятнадцать-двадцать. Наконец шамес вышел и махнул рукой: “Можешь идти”.

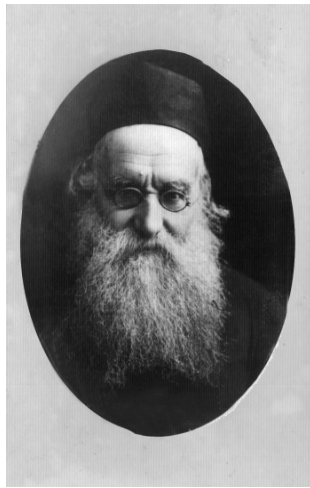
Женщина удивилась: зачем ее задержали? Но когда пришла на реку, то глазам своим не поверила - мостков как не бывало! Их снесло половодьем, пока женщина ждала ребе. А если бы она, не дай Б-г, стояла на мостках?!

Реб Ицэле был женат вторым браком на Хаве, дочери рава Йоселе Креславера, мудреца и каббалиста. В первом браке у него было несколько дочерей и сын - рав Давид, и во втором - три дочери и сын, который родился в 1885 году, когда дедушке было уже шестьдесят лет. Младший сын реб Ицэле и есть мой отец.

Дедушка - реб Ицэле - был первым учителем моего отца. Затем отец учился в ешиве “Слободка” и у своего деда со стороны матери, рава Йоселе Креславера.

Реб Ицэле умер в 1900 году, в возрасте семидесяти пяти лет.

О последнем дне жизни реб Ицэле моему отцу рассказал один еврей из Режицы. Ребе заболел, его лечили в Варшаве, но безуспешно. Он возвращался из Варшавы курьерским поездом. И хотя курьерский - скорый поезд, реб Ицэле в пути все время твердил: “Гихер! Гихер! Гихер!” (“Быстрее”. - *Идиш.*). Поезд и

Родители моей матери:
Рав Мойше-Мишл-Шмуэль Шапиро

Сора-Фейге Шапиро

впрямь прибыл на станцию раньше обычного. Ребе успели принести домой, и он скончался в своей постели.

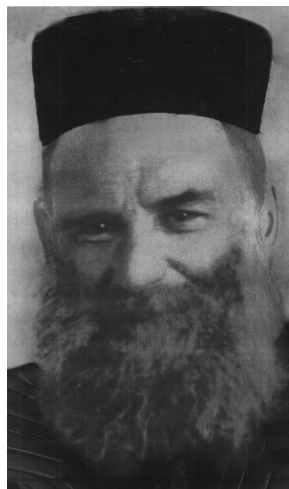
РОДИТЕЛИ

Моя мать Леа-Гитл родилась в Литве, в городе Рогов (ныне Рагува) Паневежской области. Ее отец реб Мойше-Мишл-Шмуэль Шапиро был человек большой учености, автор многих книг. Мои родители поженились 2 тамуза 1914 года. Новобрачные получили массу поздравительных телеграмм от многих больших раввинов того времени, в том числе от рава Меира-Симхи и, кажется, от Хафец Хаима. После женитьбы отец преподавал в режицком отделении ешивы “Слободка”.

Началась Первая мировая война. Чтобы избежать службы в царской армии, отец сменил фамилию Циюни на Зильбер.

(Приехав в Израиль, я хотел вернуть себе фамилию Циюни, но потом подумал, что люди из России знают меня как Зильбера и не смогут найти под другой фамилией. И я оставил фамилию Зильбер.)

Живя в Режице, отец поддерживал близкое знакомство с великим равом Меиром-Симхой а-Коэном, раввином города Двинска (Даугавпилса), автором книг “Мешех хохма” и “Ор sameax”. Он называл моего отца “майн кинд” - “сынок”.

Рав Бенцион Циюни
(Зильбер), мой отец

Леа-Гитл Зильбер,
моя мама

В самом начале войны они ненадолго оказались вместе, я думаю, в Режице, но точно не знаю. Туда же приехал и мой дед рав Шапиро. Кончалась утренняя молитва, синагога пуста, а они сидели вдвоем: автор "Ор sameax" (его так и называли - Ор Sameax - по названию книги), мой дед рав Мойше-Мишл-Шмуэль и мой отец - и учили Тору с утра до полудня, забыв о еде.

Так же поступал отец и потом в Казани, всегда занимался сразу после утренней молитвы.

Ктуба моих родителей

РАВ МЕИР-СИМХА ИЗ ДВИНСКА

Имя рава Меира-Симхи я слышал в доме отца с самого детства. Но историю, которую я сейчас приведу, мне рассказал очевидец, мой сосед Давид Киль, уже здесь, в Израиле. А потом я прочел о ней в книге “Безопасность и демократия”, написанной бывшим главой “Мосада” (израильской контрразведки) Исером Арэлем. Так что у этого события еще остались как минимум два живых свидетеля.

В дни, о которых говорится, Исер Арэль был еще подростком. Он пишет:

“В тот год случилось так, что в верховьях Двины неожиданно и раньше обычного времени началось таяние снега и льда, в то время как начиная от самого Двинска и далее до Рижского залива было еще очень холодно. Вода, образовавшаяся в результате таяния снега, устремилась в Рижский залив, но встретила на своем пути неожиданно мощную ледяную преграду... Вода начала стремительно прибывать. Бушующая река и огромные глыбы льда в ней причиняли ужасные разрушения. Многие прибрежные деревни были сметены этим потоком, а мосты через Двину разрушены до основания. Ревущая вода приступила и к штурму большой дамбы, окружавшей Двинск и защищавшей его. Над городом нависла тень гибели...”

Утром в шабат положение сделалось отчаянным. С минуты на минуту вода должна была либо выйти из берегов, либо прорвать дамбу. Мой отец не знал, что предпринять: остаться с семьей в такой опасный момент или идти в синагогу на утреннюю молитву, чтобы присоединить свой голос к голосу всей общины. Наконец он решительно отправился в синагогу. Я присоединился к нему. В самый разгар молитвы, которая была как никогда взволнованной и то и дело прерывалась отчаянными воплями, в синагогу с криком ворвались евреи со страшной вестью: еще немного, и город будет уничтожен!

Рав Меир-Симха, облаченный в талит, поднялся со своего места и направился в сторону дамбы. Вся община в своих субботних одеждах последовала за ним.